

Полемические размышления о возможности полемики в современной философии¹

Милан Узелац, ординарный профессор,
Высшая педагогическая школа, Вршац (Сербия)

Ровно полвека назад Г.-Г. Гадамер опубликовал небольшую работу под названием «Unfähigkeit zum Gespräch», в которой попытался ответить на вопрос – каким образом были утрачены предпосылки, определявшие возможность диалога – и шире, разговора вообще – между людьми; или, как бы мы сегодня сказали, на чем основывается коммуникация внутри некой социальной общности.

Этот вопрос, как мне кажется, в современном мире вошел в категорию «вечных», и его можно рассматривать с различных точек зрения. Мне бы хотелось обратиться к нему на примере философии, сузив и отчасти переформулировав его, и рассмотреть проблему возможности / невозможности разговора между философами и философскими направлениями, которые они представляют. Таким образом, выбранная тема звучала бы так: возможна ли коммуникация между философами и философскими школами в современных условиях «плюрализма» и «релятивности», и более того, в какой мере она вообще

¹ Узелац М. Полемическое размышление о возможности полемики в современной философии // Вестник МГИМО-Университета. - №6 (27), 2012. - С.213-215. ISSN 2071-8160

возможна, если принять во внимание, с одной стороны, опыт философских школ предыдущих эпох, а с другой, необыкновенную плодovitость современных философов (или тех, кто себя таковыми считает), выражающуюся в многочисленных философских конференциях и необозримом числе публикаций на философские темы.

Как известно, в начале процесса формирования западного мышления существовали две школы: ионийская, обращенная к вопросам о природе, основателями которой были милетцы, и италийская, поддержанная орфическим учением и учением о числах, главой которой был Пифагор и идеи которой, пронесенные через восемнадцать поколений его последователей, дошли до времени Платона. Зададим себе вопрос: происходил ли обмен идеями между этими школами, существовавшими практически в одно время, случались ли дискуссии и споры, в которых участвовали бы ионийцы и италийцы, бывшие современниками? Какой ответ мы можем получить? Ведь на основании источников, объединенных Г. Дильсом в монументальном труде «*Die Fragmente der Vorsokratiker*», вряд ли вообще можно говорить о том, что эти школы вступали в какие-либо контакты, а их представители знали друг о друге.

Похожая ситуация наблюдается, если сравнить учения отдельных мыслителей, например Гераклита (ок. 540-480 г. до н.э) и Парменида (ок. 540-470 гг. до н.э). Даже если мы согласимся, что вокруг Парменида сформировалась определенная «школа», объединенная единым учением, поскольку связывала идеи Ксенофана, Парменида и Зенона, то о Ге-

раклите этого сказать нельзя: у него не было ни школы, ни непосредственных последователей (разумеется, если исключить стоиков, которые появились двумя столетиями позже), о чем он и сам свидетельствовал. На первый взгляд, мы сталкиваемся с двумя противоположными учениями: согласно одному, в основе всего находится движение, согласно другому, - покой; но оба они по сути своей говорят об одном и том же и указывают на основу всего – на бытие. Как дошли мыслители до своих заключений? - в дискуссиях, спорах с самим собою? с учениками? друг с другом? История не дает нам прямой ответ, и мы можем лишь говорить о времени, в котором назрела проблема бытия и необходимость ее решения.

Между тем, справедливости ради, следует указать на то, что наследие досократиков можно интерпретировать и по-другому, а именно, как дошедшие до нас именно спорные положения, вышедшие за рамки общепринятых взглядов.

Возвращение Аристотеля в Афины и основание Ликейя создало ситуацию, когда в одном городе оказались две великие школы. Что определяло отношения между ними – конфронтация или конструктивная коммуникация? И здесь нам трудно дать определенный ответ. Те две школы в тот момент были до такой меры различно ориентированы – одна натурфилософская, другая неопифагорейская, – что уже одно это лишало их представителей оснований как для теоретических споров, так и совместных обсуждений теоретических вопросов. Вероятно, некоторые или многие представители Академии и Ликейя были знакомы лично (Афины не были столь уж

большим городом), однако о философских дискуссиях и полемике между представителями философских школ вряд ли можно говорить утвердительно.

Когда же речь заходит о платоновской Академии, то здесь возникает значительно больше открытых вопросов, чем недвусмысленных ответов. Исследователи не могут даже определенно утверждать, были ли у Платона ученики в прямом смысле слова (скорее всего, учениками называли собеседников Платона, возможно, с меньшим диалектическим даром), поскольку нет ясности в том, чему он их учил и о чем с ними говорил во время своих бесед, о которых до нас дошли крайне противоречивые свидетельства. Между тем, интересы учеников не совпадали с интересами Платона, что в проявилось непосредственно после его смерти, когда углубились различия среди его последователей в Академии.

Состав Академии был неоднородным: она объединяла и натурфилософов, и математиков, и неопифагорейцев, так что становится не до конца ясным – в какой мере повлияло на них появившееся гораздо позднее учение Платона об идеях. Вот почему возникает много причин для утверждения, что непосредственное влияние Платона по существу было совершенно иным, по сравнению с тем, как нам представляла это последующая традиция. Представляется, что поздние интерпретаторы наследия Платона поверили ему «на слово», поскольку стало обычным делом толковать его философию на основе его диалогов, которые не являются ни логически последовательными, ни однозначными. Вероятнее всего, диалоги Платона отражают его подходы к оп-

ределенным проблемам, сложившиеся в разное время и претерпевшие изменение впоследствии; вот почему невозможно говорить о недвусмысленном и однозначном учении Платона².

Школа Аристотеля существовала не столь долго, как Академия, но ее отличительные черты были хорошо известны. Этому в значительной мере способствовали сохранившиеся рукописи великого философа, хотя они настолько «фрагментарны» по сравнению с его совокупным учением и знанием, что это нередко уводит в сторону при попытке точнее определить «профиль» школы и специфику ее учения по сравнению с другими школами.

В начале эллинистической эпохи в Афинах возникли школы стоиков и эпикурейцев, представители которых если и не находились в открыто враждебных отношениях, то, как минимум, были недовольны образом жизни своих «противников». Стоики, как указывает Диоген Лаэртский, выражали свое несогласие с учением Эпикура особенно активно, но нельзя сказать, что это всегда было справедливо.

Римский император и стоик Марк Аврелий восстановил в Афинах деятельность всех четырех школ, однако, жизнь в них едва теплилась, и поэтому говорить о каких бы то ни было спорах по основным философским вопросам между ними, скорее всего, невозможно. По прошествии трёх веков оста-

² Это также невозможно и в случае с Гегелем, а на чем упорно настаивали его непосредственные ученики и последователи, пренебрегая тем, что позиция Гегеля менялась с течением времени, и это ясно видно, когда заходит речь о его эстетике.

лась существовать только неоплатоническая школа, представителями которой были Плутарх Афинский, Прокл, Марин и Дамаский Диадок, но и она была основана на синтезе разных учений; достаточно вспомнить, что у Прокла вся философия Аристотеля (а уровень овладения Проклом учением Аристотеля не следует недооценивать) была лишь введением в изучение Платона. Мы видим, что все самые известные школы классического периода греческой культуры пришли к своеобразному «синтезу», и ни о каком «споре» или полемике между ними не может быть и речи.

Вероятно о борьбе различных взглядов, о дискуссиях и философском диалоге между мыслителями, прежде всего философски ориентированными теологами, можно было бы говорить применительно ко времени высокой схоластики в XIII в. Но какими бы глубокими ни были различия во взглядах доминиканцев и францисканцев и их виднейших представителей Бонавентуры и Фомы Аквинского, их споры все-таки были «внутрисемейным» выяснением отношений, а не некой стратегически непримиримой полемикой, в которой невозможно прийти до взаимопонимания. Можно было бы даже сказать, что в их случае существовал некий общий молчаливый договор, который никто не пытался оспорить. Даже борьба католической церкви, в лице доминиканцев и францисканцев, против латинских авероистов, закончившаяся для ее участников по-разному (Бонавентура и Фома были причислены к лику святых, а их соперники стали изгнанниками или были осуждены на заключение), была в своей

основе дискуссией вокруг разных точек зрения на суть учения Аристотеля.

Даже часто приводимый в пример знаменитый спор номиналистов и реалистов в самом своем начале был скорее недоразумением, возникшим из неверного понимания учения Платона, чем действительно полемикой, затрагивающей суть этого учения, и только позднее – когда участники того недоразумения были практически забыты – оно получило в истории свою «схоластически» определенную форму – форму спора.

И во время Ренессанса, когда вновь появились различные философские точки зрения, хотя это время не приносит ничего нового, кроме углубленных подходов к обновлению и интерпретации старых идей, также трудно говорить о борьбе философских мнений. Этот период характеризуется скорее нюансами внутри одного и того же миропонимания, чем противопоставлением и столкновением идей. Хотя необходимо понимать, что «нюансы» были таковыми, что из-за них теряли жизни (правда, в этом было и много личного - намного больше зависти и неприязни, чем искреннего поиска истины).

Начало Нового времени ознаменовалось крупными философскими спорами между университетскими неосхоластиками, однако содержание этих споров в величайшей мере принадлежало средневековому прошлому. Их темы существенно отличались от тем, которые формулировал Декарт. Именно поэтому между профессорами Сорбонны и Декартом не могло быть настоящей полемики: будучи совре-

менниками, они принадлежали духовно различным временам.

Вся позднейшая философия от Декарта до Гегеля сегодня нам представлена как непрерывная нить, в ней содержится меньше противоречий между философами, а больше точек соприкосновения и взаимопроникающих идей, что только подтверждает единство метафизического основания философии.

Первый настоящий «философский спор» мог бы быть обнаружен историками философии между учениками и последователями Гегеля, но если посмотреть на этот факт с некой дистанции, он будет выглядеть несколько проблематичным. И старогегельянцев, и младогегельянцев связывала принадлежность к господствовавшей в умах гегелевской философии, бывшей в то время мыслительной вершиной, поэтому на второй план отходит вопрос, в какой мере одни защищали Гегеля, а другие оспаривали. Факт остается фактом: ни одни, ни другие не могли выйти из тени великого мыслителя, с именем которого закончилась история философии и которого можно сравнивать только с Аристотелем.

Пребывая в постгегелевском периоде, мы являемся свидетелями того, что все современные философские направления или в определенной степени исходят из философии Гегеля и таким образом остаются в её тени, или предпринимают попытку полностью её отрицать, но при этом ни на шаг не отходят от неё, в лучшем случае достигают некоего «подуровня» гегелевской философии и, вопреки видимости «современности», остаются антикварными. Невозможно не согласиться с мыслью Ж.-П. Сартра

о том, что философия Гегеля и философия Маркса останутся философиями нашего времени до тех пор, пока не будут преодолены категории, которые их обусловили.

Наше время, если так можно выразиться, «свободно» от столкновения философских школ, поскольку в нем нет ни великих философских школ, ни великих философов. Факт остается фактом: после Гегеля ни один их крупных философов не имел хотя бы два поколения своих последователей. Если кто и мог бы претендовать на это, прежде всего, это был бы Э. Гуссерль, с именем которого связано одно из самых мощных философских течений XX в. – феноменологическое.

И хотя Гуссерль в течение всей своей жизни руководствовался идеей о философии как о строгой науке, которую, по его представлениям, как рабочую философию, как идею бесконечной миссии будут создавать поколения будущих философов, уже непосредственные и верные его ученики констатировали, что после недолгого «духовного воодушевления» каждый из феноменологов пошел своим путем, что особенно характерно для самого талантливого ученика Гуссерля и крупнейшего мыслителя прошлого столетия М. Хайдеггера. Но за Хайдеггером – возможно, по причине всеохватности его философии, возможно, вследствие его духовной величины и мыслительной глубины – не пошел никто, и в его случае невозможно говорить ни о какой философской школе.

Сам Гуссерль обращался к вопросу о спорах философских школ, но он имел в виду не столкнове-

ние равноправных, одинаково достойных философских позиций, а спор, в котором участвуют скептические философии, как не-философии, с одной стороны, и жизненные философии, с другой. Ко второй группе, по Гуссерлю, относится феноменология, и ей противостоит не какая-то другая философия, а не-философия, воплощенная в скептицизме, ставшим болезнью нашего времени. Скептицизм зачарован природными науками, только в них видя действительную ценность. Как отмечал Гуссерль в работе «Философия как строгая наука» (1911 г.), «наше время хочет верить только в «реальности». И вот его прочнейшей реальностью является наука». Поэтому, скорее всего, можно говорить о полемике науки и философии, чем о споре различных «философий». Но такое предположение ошибочно методологически, поскольку философия и наука находятся на различных уровнях; кризис современных наук, о которых говорил Гуссерль, является последствием проникновения рационализма в натурализм и объективизм и его (рационализма) реализации, а не опровержением самой сути рационализма.

Современные науки потеряли свою универсальную ответственность; вопросы бытия, ценностей и экзистенции они считают софистскими; рядом с современной наукой, манифестирующей свою самодостаточность, философия оказалась отодвинутой к периферии человеческой духовной деятельности. Антагонизм современных наук и философии поставил под сомнение саму необходимость занятия философией. Таким образом проблема возможной осмысленной и плодотворной полемики в философ-

ской среде, отражающей столкновение различных точек зрения, потеряла в наше время всякую актуальность, более того – сама философия затормозилась в своем движении.

Согласно Гуссерлю, самая большая опасность для Европы крылась в усталости как последствии неверия и отчаяния, созданных вокруг себя одной не-философией, в которую переродилась философия, зараженная скептицизмом, берущим начало в натурализме и психологизме. Сегодняшняя философия исполнена индолентностью, неверием, ощущением ненужности, которые усиливаются при любой критической атаке как со стороны прикладных наук, стремящихся к немедленной реализации достигнутых результатов, так и со стороны сферы реализованных достижений, приносящих сиюминутную прибыль.

В отличие от философии, наука не знает проблемы «повторения пройденного», она не возвращается к началу пути, наука не знает необходимости в исследовании своего истока, поскольку она, как говорит Хайдеггер, не мыслит. Наука не может позволить себе переосмысление понятий и предположений, на которых она базируется: в противном случае она навсегда осталась бы в исходной точке и была бы лишена развития. Идея прогресса встроена в основания науки, и оспорить прогресс - значит оспорить сами принципы, на которых существует наука.

Философия же свой смысл видит в постоянном вопрошании о своей и любой другой основе, живет в необходимости заново осмысливать уже существующие, ранее сформированные понятия. Переосмыс-

ление прежних понятий никак не связано с «исправлением ошибок», оно просто необходимо в силу того, что предметы, с которыми соотносятся понятия, постоянно меняются.

Мы живем, окруженные балластом критически неосмысленных, окаменевших понятий, чье значение было усвоено раз и навсегда. Это не просто симптом нашего времени. Ставки в игре куда выше: в действительности, это один из самых важнейших способов манипулирования людьми и вещами, среди которых исчезает ранее существовавшее онтическое различие. Место философов, в которых Гуссерль видел «функционеров человечества», заняли технократы, чьи истинные цели весьма далеки от идеала развития человеческого сообщества на диалогических принципах.

Современная философия живет не только в тени великих философских систем прошлого (от Спинозы до Гегеля), но и в тени блестящих спекулятивных достижений, создавших условия для метаморфозы западной метафизики. В отсутствии системы и всеохватной мысли о мире, которая была бы способна постичь универсум как целостность, мы вынуждены жить на духовных развалинах прошлого.

Философы, в неспособности видеть дальше границ коммуникативного пространства, которое определяется новыми агрессивными масс-медиа, вынуждены существовать атомизированными группами с лабильными внутренними связями и своим собственным «философским языком», который невозможно использовать для общения вне узкой

группы. Невнятная речь современной философии, даже если бы она и была обращена к Людям, мало что значила бы для них и, скорее всего, вызвала бы (ошибочное) заключение о никчемности философии.

Подводя итог, мы можем сказать: 1) история философии показывает, что философские школы, или различные «философии», никогда не противостояли друг другу, поскольку философия всегда была единственной; полемика была возможна с нефилософиями, проникнутыми духом скептицизма и антисубстанциализма. 2) и над философией, и над нефилософией нависла новая универсальная опасность, исходящая из новых коммуникационных возможностей – безграничных по форме, но жестко ограниченных по сути, являющихся могущественным средством создания петрифицированного мышления, лишённого саморефлексии.

Резюме

На вопрос, возможна ли полемика в области философии в наше время, автор отвечает негативно, исходя из следующих соображений: в ранние эпохи реального столкновения мнений не могло быть, поскольку все философы находились внутри целостного понимания мира и их учения не противоречили друг другу; сегодняшние мыслители не обладают больше представлением о мире, которое могло бы их

объединить и дать им единое основание для формирования спекулятивных понятий.